

УДК 165

«Представление» и его расширительное толкование в немецкой философии

Тайсина Эмилия Анваровна

Доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры философии и медиакоммуникаций,
Казанский государственный энергетический университет,
420066, Российская Федерация, Казань, ул. Красносельская, 51;
e-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru

Аннотация

В «школьной» (университетской) отечественной философии давно утвердились следующие формы (ступени) познания: ощущение – восприятие – представление, каковые суть формы чувственности, и понятие – суждение – умозаключение, которым принадлежит роль воплощения рассудка и/или разума. Если формы логического восходят к Аристотелю, то авторство первого триплета определить сегодня невозможно. Проблема состоит в том, что упрощенное понимание форм чувственного и рационального познания зачастую расходится с немецкой традицией словоупотребления. Так, термин “*Vorstellung*”, букв. «представление», у немецких философов (Гегель, Зигварт, Фреге) используется для обозначения деятельности рассудка, т. е. мышления, а не только чувственного содержания сознания. Выявлено, что у всех рассмотренных философов, идеалистов и рационалистов «представление» используется расширительно: оно введено в мыслительные процессы, а не только организует чувственность. Это можно объяснить действительным двойственным характером представления: представление, в отличие от форм восприятия, отвлекается от объекта, воспроизводясь по памяти; оно легко поддается сигнификационному лифту (лексическому выражению); общие представления – это уже «дорога» к понятию, т. е. мышлению.

Для цитирования в научных исследованиях

Тайсина Э.А. «Представление» и его расширительное толкование в немецкой философии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 28-42.

Ключевые слова

Представление, *Vorstellung*, формы чувственного и рационального познания, рассудок, разум, смысл.

Введение

В немецкой философии конца XVIII – начала XX в. (Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Христоф Зигварт, Готлоб Фреге и др.) термином “*Vorstellung*”, т. е. *представление*, зачастую обозначалась не только и не столько высшая форма чувственного познания – пусть и обобщающая и уже отвлеченная от своего реального референта, сколько то, что в советской философии, наследнице немецкой классики, считалось уже *понятием*, т. е. первоначальной формой мышления.

Привычно используемые в теории познания, логике, психологии триплеты «ощущение – восприятие – представление» и, соответственно, «понятие – суждение – умозаключение» имеют непонятное даже для нашей «старой гвардии» происхождение. В качестве первооткрывателя и первого исследователя форм рационального мышления называют Аристотеля; Гегель в том же порядке строит свое учение о понятии в «Науке логики» и «Энциклопедии философских наук». Авторство же в отношении формулировки трех ступеней чувственного познания остается неясным. Само по себе это не было бы так важно, если бы не порождало вопросы относительно роли и места *представления* на этой лестнице познавательного восхождения.

Можно было бы счесть, что в советской науке возобладал не германский идеализм, а марксизм и, следовательно, материализм; поэтому и неясный в немецкой классике статус представления обрел в отечественной философии твердое место высшей формы чувственного познания. Однако это слишком поверхностный ответ на поставленный недоуменный вопрос; это ответ, не дающий подлинного объяснения и, тем более, решения проблемы такого серьезного разночтения.

Можно было бы поискать исчерпывающий ответ в «локковской парадигме», как стыдливо стали именовать материалистическую гносеологию, а точнее – материалистическую теорию отражения, в нашей стране в перестроечный период конца XX – начала XXI в. Однако нет, номенклатура форм познания у классика нововременной гносеологии Джона Локка значительно богаче упомянутых триплетов.

Использование термина “*Vorstellung*” в немецкой философии

В рамках данной статьи мы будем принимать во внимание лишь тех немецких философов, чье творчество согласуется, так сказать, с «мейнстримом», отвечая основным характеристикам немецкой классики – идеализму и рационализму. Таким образом, данное исследование не касается текстов Шопенгауэра, Ницше или Хайдеггера, что само по себе было бы очень интересно изучить.

Итак, Гегель, Зигварт, Фреге. Все трое принадлежат к направлению идеализма в оценке комментаторов, хотя, разумеется, ни один не сомневается в существовании доступного для понимания внешнего мира, других людей и самих себя. В «Энциклопедии философских наук» Гегель пишет: «Внешнее есть *в себе* истинное, ибо истинное действительно и должно существовать» [Гегель, 1974, т. 1, 150]. Известный логик Зигварт также указывает на то, что до всякой логической рефлексии «человек воспитывает в себе привычку истолковывать многообразие своих ощущений ссылкой на объективно-реальный мир, который столько же является средством для его наслаждения и источником его нужды, и потому объектом его практической деятельности, сколько и предметом его восприятия и любопытства» [Зигварт, 1908, т. II, вып. 1, 8]. Насколько это «идеалистически» звучит – большой вопрос. Или вот еще

цитата из классики: «При определении истинности существенным является отличие реальности от представления», – недвусмысленно говорит Фреге. – «Утверждение, что вместо всего окружающего меня мира, в котором я передвигаюсь и действую, я обладаю лишь своим внутренним миром, является абсолютно невероятным» [Фреге, 1987, 20, 35].

Однако для познания философа важнее идеальный мир – в его связи с внешним. Если принять для простоты объяснений упомянутые познавательные схемы, то центральное место среди идеальных форм познания займет *представление*. Готлоб Фреге исчерпывающе разъяснял:

“Auch der unphilosophische Mensch sieht sich bald genötigt, eine von der Außenwelt verschiedene Innenwelt anzuerkennen, eine Welt der Sinneseindrücke, der Schöpfungen seiner Einbildungskraft, der Empfindungen, der Gefühle und Stimmungen, eine Welt der Neigungen, Wünsche und Entschlüsse. Um einen kurzen Ausdruck zu haben, will ich dies mit Ausnahme der Entschlüsse unter dem Worte “Vorstellung” zusammenfassen” [Frege, 1993, 66].

В переводе: «Даже нефилософ рано или поздно оказывается перед необходимостью признать существование внутреннего мира, отличное от мира внешнего: мира, который образуют чувственные впечатления, создания воображения, ощущения, эмоции, настроения; мира склонностей, желаний и решений. Для краткости все эти компоненты – за исключением решений – я буду в дальнейшем объединять под названием “представление” [Vorstellung]» [Фреге, 1987, 30-31].

К сожалению, схемы срабатывают не всегда. Весьма часто и на разных основаниях “Vorstellung” означает также и нечто большее, чем чувственность, объединяясь, скажем, у того же Фреге с изображениями, предложениями и *мыслями* по признаку обладания истинностью: “Man findet die Wahrheit ausgesagt von Bildern, Vorstellungen, Sätzen und Gedanken”. «Истинность может быть свойственна изображениям, представлениям, предложениям и мыслям» [Там же, 20].

Георг Вильгельм Фридрих Гегель, классик среди классиков, законодатель европейской философии на протяжении сотен лет, отличался именно таким, «путающим» материалиста использованием интересующего нас термина “Vorstellung”.

Форма мысли, которую мы считаем понятием, с точки зрения Гегеля является лишь общим представлением: “Was gewöhnlich unter *Begriffen* verstanden wird, sind *Verstandesbestimmungen*, auch nur allgemeine *Vorstellungen*...” [Hegel, 2014, www]. В русском академическом издании: «То, что обычно понимают под *понятиями*, представляет собой *рассудочные определения* или лишь общие *представления*» [Гегель, 1974, т. 1, 344].

Есть немало других мест, где Гегель утверждает то же самое; например: «Когда говорят о понятии, то обычно перед нашим умственным взором возникает лишь абстрактная всеобщность, и обычно поэтому понятие определяют как общее представление» [Там же, 343]. Или вот еще характерное высказывание: «То, что называют понятиями и даже определенными понятиями (например, человек, дом, животное и т. д.), суть... абстрактные представления, суть абстракции, заимствующие от понятия лишь момент всеобщности и опускающие особенность и единичность; они, таким образом, абстрагируются как раз от понятия» [Там же, 344].

Возможно, рассудок доходит «только» до представлений, тогда как до подлинных понятий доходит только разум? Но разве разум – это не всеобщее и абстрактное мышление в своем высшем выражении?

Да, но не в гегелевской и вообще не в немецкой традиции.

Эти определения разумного, принятые для сравнения с чувственностью опять-таки в

школьной логике, даже вкупе с обязательным языковым оформлением мысли и ее особым творческим характером, Гегеля нимало не устроили бы. Его, как известно, не устроил даже кантианский рационалистический идеализм, несмотря на верное, с его точки зрения, утверждение Канта о том, что между *всеобщим* рассудка, который абстрагируется от *понятия*, и *особенным* созерцания, которое отображает единичный предмет, лежит иное отношение, чем то, которое лежит в основании учения о теоретическом и практическом разуме. В Предисловии к первому изданию «Науки логики» Гегель пишет, что рассудок «определяет и удерживает определения»; разум отрицает – и он диалектичен, потому что сводит на нет определения рассудка; он также положителен, потому что вырабатывает универсальное, *всеобщее* и схватывает в нем *особенное* [Hegel, 2013, www].

“*Der Verstand bestimmt und halt die Bestimmungen fest; die Vernunft ist negative und dialektisch, weil sie die Bestimmungen des Verstands in nichts auflöst; sie ist positiv, weil sie das Allgemeine erzeugt und das Besondere darin begreift*” [Ibidem].

Возможно, рассудок, принадлежа к сфере конечного и одновременно будучи способен на абстрактное и всеобщее, во всем подобен разуму, а не чувственности. Кроме того, понятия/определения, которыми оперирует разум, являются *конкретными*, т. е. одновременно и совокупно единичными, особенными, общими, всеобщими – и при этом непосредственными. И бесконечными. Ведь «бесконечная определенность, которую ищет разум, существует не в своей истине, а в чувственном единичном образе» [Гегель, 1974, т. 1, 293].

Но возможно, что и нет. В «Науке логики» разум и рассудок, понятие и представление недвусмысленно разводятся; понятие (разумеется, взятое в гегелевском смысле) есть абсолютное единство бытия и рефлексии, в себе и для себя бесконечное. А представление – это «эмпирическое и резонирующее сознание» [Гегель, 1972, т. 3, 293].

В произведениях Гегеля есть положения, напрямую сопоставляющие *рассудок и чувственность* – созерцание, но *не* рассудок и разум, на том основании, что созерцание и рассудок равно могут быть абстрактными – а рассудок даже всеобщим. «Наука логики» в целом и начинается с противопоставления рассудка и разума. В Предисловии Гегель указывает, что *рефлектирующий рассудок* является абстрагирующим и, таким образом, разделяющим и упорствующим в этих своих разделениях. Вопреки разуму, порождающему химеры, если тот остается сам по себе (*an und für sich bleibe*), рассудок – это просто здравый смысл человека, делающий свой взгляд на вещи ценным (*geltend*). В этом отречении разума от себя самого теряется понятие истины; он ограничен признанием только субъективной истины, только феноменом, которому природа самой вещи не соответствует; знание тогда обращается в мнение [Там же, 34].

“...*der reflektierende Verstand bemächtigte sich die Philosophie... Es ist überhaupt... der abstrahierende und damit trennende Verstand... der in seinen Trennungen beharrt. Gegen die Vernunft gekehrt, trägt er sich als gemeiner Menschenverstand und macht seine Ansicht geltend... In diesem Verzicht der Vernunft aus sich selbst geht der Begriff der Wahrheit verloren... das Wissen ist zur Meinung zurückgefallen*” [Hegel, 2013, www].

Говоря о Канте, Гегель положительно отзывается о его критической философии в той части, в которой она признала, что определения рассудка принадлежат области конечного и что движущееся в их пределах познание не достигает истины. Однако этого недостаточно. Требуется, согласно Гегелю, утвердить это самое отношение между *всеобщим* рассудка и *особенным* созерцания как *истину* [Гегель, 1974, т. 1, 178].

Вопрос об истине является центральным вопросом любой теории познания. Переходя к

нему, мы не можем не воспользоваться термином «соответствие», характеризующим отношение между истиной и ее референтом, какие бы синонимы к этому непопулярному ныне термину ни использовались; чаще всего это «согласование», *Übereinstimmung*¹.

«Обыкновенно мы называем истиной согласие предмета с нашим представлением. Мы имеем при этом в качестве предпосылки предмет, которому должно соответствовать наше представление о нем» [Там же, 126]. Хорошо видно, что в первом суждении не мысль-представление интенционально направлена на предмет, схватывая или отображая его, в данном случае это не так важно, а предмет как-то устремляется к познающему сознанию, *yields to cognition*. Второе же суждение, если его вычленишь из контекста, звучит абсолютно материалистически. Его автором может быть и Локк, и Фейербах, и Энгельс. Ясно, однако, что контекстно-свободное цитирование Гегеля опасно. Например, такой абзац из Введения к «Науке логики» должен был бы обрадовать любого материалиста: “*Wahrheit ist die Übereinstimmung des Denkens mit dem Gegenstande, und es soll in diesem Übereinstimmung hervorzubringen – den sie ist nicht an und für sich vorhanden, – das Denken nach dem Gegenstande sich fügen und bequemen*” [Hegel, 2013, www]. «Истина есть соответствие мышления предмету, и для того, чтобы создать такое соответствие – ибо само по себе оно не дано как нечто наличное, – мышление должно подчиняться предмету, сообразовываться с ним» [Гегель, 1972, т. 3, 34]. В действительности здесь охарактеризован как раз метафизический способ мышления и понимания, против которого и написана «Наука логики».

Вне схождения понятия и реальности познание невозможно. Однако, по сравнению с любым материализмом, для абсолютного идеализма характерно противоположное «направление совпадения». В заключительных параграфах первой книги «Энциклопедии» (§ 213) можно встретить следующее: «Даже плохое и неистинное есть лишь постольку, поскольку их реальность каким-то образом и в какой-то мере соответствует их понятию. Насквозь плохое или неприемлемое для понятия есть именно поэтому нечто распадающееся в самом себе. Вещи в мире обладают прочностью единственно лишь через понятие» [Гегель, 1974, т. 1, 401]. Одним из наиболее широко цитируемых мест «Науки логики», где Гегель выразился еще короче и определеннее, является следующее: «*понятие... третье к бытию и сущности, к непосредственному и рефлексии... понятие... есть их основа и истина как тождество, в которое они погрузились и в котором они содержатся*» [Гегель, 1972, т. 3, 9]. Однако и этого недостаточно для рождения истины: содержание мысли может быть признано истинным лишь постольку, поскольку оно опосредствовано *не чем-либо другим* – в этом случае оно останется конечным, но опосредствует себя самим собой.

Различая истинность и правильность, истинность и достаточность, Гегель утверждал, что мы можем иметь в своей голове много правильного, что вместе с тем неистинно². Значит ли это,

¹ Общеизвестно, что из всех европейских языков немецкий лучше всего отвечает типу философствования нового и новейшего времени, который называется «модернити». Немецкая терминология является, так сказать, особенно честной, прозрачной для понимания. Ср.: *wahrnehmen* – воспринимать, букв. «истинно взять»; *begriffen* – понимать, букв. «схватывать»; *Entsprechung* – соответствие, букв. «нечто обговоренное»; *Gegenstand* – объект, букв. «стоящий напротив»; *Einbildungskraft* – воображение, букв. «сила, создающая внутренние картины»; и наиболее яркое, пожалуй: *Bewußtsein* – сознание, букв. «знаемое бытие». Однако есть один казус: “*sinnlich*” – *чувственный*, букв. «осмысленный»; но об этом ниже.

² См., например: Гегель. Энциклопедия. Т. I. § 172. С. 356-357. В «Феноменологии духа» есть и такое утверждение: чистое представление не различает между достаточностью и истиной.

что правильность возникает из неистинности? Точнее было бы сказать, что правильность – *еще* не истинность, ибо последняя возникает вместе с самим по себе подлинным понятием бесконечного содержания и не вне его. Следовательно, все качественные суждения состоят не из понятий в точном и полном смысле, но из представлений. Значит, рассудок именно приспособлен к производству знания абстрактного и всеобщего.

Современный исследователь творчества Гегеля поясняет, как это возможно: «Всеобщность представления получается вследствие того, что нечто часто являлось нам и получило очевидность благодаря названию, т. е. благодаря фиксации содержания представления словом» [Жирнов, 2010, 61]. Более века назад о том же писал Зигварт: «Всякое рассмотрение мышления, которое отвлеклось бы от характера его *общности*, от той общественной природы, какую человек обнаруживает также и в этой области, должно было бы стать односторонним и неистинным. Отсюда вытекает в особенности задача обратить внимание на все то, что в отношении представлений и предпосылок мышления приобретается каждым путем усвоения *языка*» [Зигварт, 1908, т. II, вып. 1, 7-8]. Вообще говоря, в материалистической гносеологии, логике и психологии в таком случае — это уже не чувственный образ, а понятие. Однако и у Локка мы встречаем мысль о том, что языковой знак призван именовать *идею*, каковая может, в частности, быть представлением.

Представление «извлекается» непосредственно из объекта и становится материалом для мысли. Для индивидуума значение слова состоит не в его этимологии, а в представлении объекта, которое это слово вызывает в сознании [Sigwart, 1889, Bd. 1, www].

Как же тогда гегелевское утверждение, что подлинно непосредственным является не представление рассудка, но одно лишь понятие? Ведь рассудок, который полагает, что освободился от конечного знания, снова непосредственно делает критерием истины *абстрактное отношение с собой*, абстрактное тождество изолированных определений.

Согласно Гегелю, истинная непосредственность присуща только подлинному, конкретному понятию; оно включает в свое единство противоположные характеристики, показывает себя опосредствованным через себя и самим собой и, следовательно, вместе с тем истинно непосредственным [Гегель, 1974, т. 1, 213]. Рассудок вместе со всем своим содержанием и метафизическими операциями не отвергается, но включается в истинное умозрение, в познание посредством понятий как необходимый начальный стартовый момент.

Гегель так рассуждает о метафизичности рассудка в сравнении его с представлением:

«...Отличительную особенность представления следует вообще... видеть в том, что в нем... содержание стоит как бы изолированно... Представление совпадает здесь с *рассудком*, отличающимся от представления лишь тем, что он устанавливает отношения... необходимости между изолированными определениями представления, тогда как в неопределенном пространстве представления эти определения остаются *рядоположенными*...» [Там же, 113].

Гегель разъясняет, что разум может действовать в форме рассудка: моменты конечного познания тогда получают форму самостоятельных, отличающихся друг от друга видов познания. Разум ассимилирует материал чувственно данного; это представляется *принятием* его в «определения понятия», *внешние* по отношению к нему. В отношении друг друга эти определения также выступают как различие. «Это – разум, действующий в форме *рассудка*... Бесконечная истина понятия фиксируется для этого познания, как только *в-себе-сущая* цель, как нечто для него *потустороннее*» [Там же, 410].

“Die Assimilation des Stoffes an seines Gegebenen erscheint daher als die *Aufnahme* desselben in die ihm zugleich bleibenden Begriffsbestimmungen, welche ebenso in der Verschiedenheit

gegeneinander auftreten. Es ist die als *Verstand* tätige Vernunft. <...> Die unendliche des begriffs ist als ein nur *an sich* seiendes Ziel, ein *Jenseits* für dasselbe fixiert” [Hegel, 2014, www].

Однако и такое познание находится в своей внешней деятельности «под руководством понятия», и определения понятия составляют линию его поступательного движения.

Близкий к неокантианству Х. Зигварт, как и Гегель, выпускник Тюбингенского университета, профессор и сын профессора, в своей знаменитой «Логике» сплошь и рядом называет части суждения – субъект и предикат – именно *представлениями*. Вот характерный пример:

“§ 5. Der Satz, in welchem etwas von etwas ausgesagt wird, ist der sprachliche Ausdruck des Urtheils. Dieses ist ursprünglich ein lebendiger Denkact, der jedenfalls voraussetzt, dass zwei unterschiedene Vorstellungen dem Urtheilenden gegenwärtig sind...” [Sigwart, 1889, Bd. 1, www].

В первом томе его «Логике» [Ibidem] первый раздел, Erster Abschnitt, так и называется “Die Vorstellungen als Elemente des Urtheils und ihr Verhältniss zu den Wörtern”. Шестой параграф упомянутого раздела начинается следующим вводным абзацем: “Was wir vorstellen und was als Subject oder Prädikat oder Theil des Subjects oder Prädikats in unsere Urtheile einzugehen vermag, sind: I. Dinge... II. Relationen...” [Ibidem]. Зигварт так же легко и часто, как Гегель, называет представления не только общими, но и *абстрактными*: “Jedes beliebige Object, das ich im Bewusstsein für sich festhalten kann... sei’s eine unmittelbare Anschauung von Einselem, sei’s eine Abstracte Vorstellung...” [Ibidem]. Представление отличается от объекта познания: “...Der Grund [der] Abweisung ist ursprünglich... etwas Positives, – ein *gegebenes Object*, dessen Unterschied von meiner Vorstellung erkannt wird”³ (выделено мной. – Э.Т.); однако остается не вполне ясным, каким образом оно отличается от собственно понятий.

Х. Зигварт также уделяет очень много внимания связи не только понятия, но и *представления* со словом, что опять-таки сближает эти формы познания. Он указывает в первом томе своей «Логике», что представления, полученные от объекта, входят в состав *суждений*. Рассуждать можно только с помощью различающих определений, посредством которых части речи достигают совпадения с представлением, соответствующим предмету. “...erst durch unterscheidende Determinationen vermittelt der Adverbia etc. zur Congruenz mit der dem Subject anhaftenden Vorstellung gebracht werden könnte” [Ibidem]. Слова суть знаки для представлений (и, разумеется, понятий).

Какие именно представления в субъекте суждения предшествуют самому суждению – это, как правило, имеет языковое обозначение. Скажем, слово «человек» – это не имя конкретного индивидуума, хотя представление индивидуального гештальта включено в его смысл. “Mensch” ist nicht der Name eines bestimmten Individuums, – пишет Зигварт, – wiewohl die Vorstellung individueller Gestalt in seiner Bedeutung eingeschlossen ist; es ist überhaupt kein Name, sondern das Zeichen eines bestimmten Vorstellungsgehalt” [Ibidem]. Это вообще не имя, а знак определенного содержания представления. Таков человек как общее представление, которое поначалу имеет отношение к конкретному индивидууму. “So ist ein Mensch, als allgemeine Vorstellung, die erst ihre Beziehung auf ein bestimmtes Individuum erwartet...” [Ibidem].

Зигварт пишет, что слово всегда должно рассматриваться *только как знак для субъективного индивидуального представления*.

“Welche Vorstellungen in einem urtheilenden Subjecte dem Urtheilen selbst vorausgehen, wird im

³ Зигварт говорит далее, что это различие – критерий истины и заблуждения, *verum sui index et falsi*.

allgemeine durch ihre sprachliche Bezeichnet angedeutet. ...das Wort darf immer nur als Zeichen der eben in dem urtheilenden Individuum gegenwärtigen Vorstellung angesehen werden" [Ibidem].

Нам уже приходилось (двадцать пять лет назад), решая семиотическую проблему знака и значения, писать о том, что в языке существует возможность превращения нечетко оформленного чувственного образа, первичной «небулы», в *значение* лингвистического знака – слова или группы слов. Идеальный образ может некоторое время существовать, не становясь понятием, составляющим когнитивное ядро значения («образ как таковой»). Формы чувственности, пока они не концептуализированы, не осмыслены и не обозначены словами, не являются лексическими значениями. Когда же они осознаны и обозначены, в них меняется *direction of fit* (направление совпадения – термин, взятый из теории речевых актов), они получают *сигнификационный лифт*, повышенную по сравнению с исходной степень абстрактности и служат компонентами значения [Тайсина, 2013, 137-138].

Любой человек, придумывая или используя языковые знаки для чувственных образов (например, «сиреневый», «березовый», «заснеженный») совершает концептуализацию ощущений/восприятий/представлений и сигнификационное возвышение. «Лифт» способен совершать и обратное движение: результатом обыкновено бывает «забытованный» символ (зеркало, икона как красивая картина или «Туми», бог хирургии древних инков, имеющий вид человека-топорика).

Х. Зигварт разъясняет: то, что мы представляем, является нашим уверенным, прочным, надежным достоянием, которое можно использовать в мышлении, если у нас есть относящееся к нему *слово*. Отсутствие слова для представления рассматривается как дефект и препятствие, затрудняющее отличие *этого* представления от других, безопасное воспроизводство и защиту от путаницы в его особенном и отдельном качестве.

“...was wir vorstellen nur dann unserer sicherer und fester Besitz, der im Denken verwertet werden kann, wenn wir das bezeichnende Wort dazu haben; wir empfinden des Fehlen des Wortes zu einer Vorstellung immer als einen Mangel und als ein Hinderniss, das uns erschwert sie in ihrer Eigenthümlichkeit und Geschiedenheit von andren festzuhalten, sicher zu reproducieren und vor Verwechslung zu bewahren” [Sigwart, 1889, Bd. 1, www].

Логик Зигварт не был чужд психологизму; лишь трудный психологический анализ вечно движущегося мышления, утверждает он, может помочь сделать выводы о его индивидуальных факторах и тех, которые их производят, и сформировать представление о законах его бессознательного:

“Nur durch eine schwierige psychologische Analyse des immer schon in Bewegung begriffenen Denkens vermögen wir auf seinen einzelnen Factoren und hervorbringenden zurückzuschliessen, und uns eine Vorstellung über die Gesetze seines unbewussten Werdens zu bilden” [Ibidem].

Вероятно, в его время это было оправдано. Например, В.А. Суровцев раскрывает этот уклон в психологию следующим образом (по отношению к творчеству Фреге): «С привнесением в философию позитивного естественнонаучного духа возникала иллюзия, что теория познания обретет, наконец, так недостающие ей прочные основания, и в этом отношении психологическое объяснение логики как ядра теории познания должно было сыграть свою ведущую роль» [Суровцев, 2008, 5]. Фреге, однако, был лишен подобного уклона. Напротив, он всячески советовал избегать его, чтобы не заключить предмет теории познания целиком в психику.

Произведение родоначальника философии языка Г. Фреге «Мысль: логическое исследование» ровно сто лет назад было переведено на русский язык. Слово *Vorstellung*, т. е.

«представление», встречается в нем сотни раз. (Кстати говоря, “Begriff”, т. е. понятие, не встречается ни разу; вместо него Фреге так же часто, как “Vorstellung”, использует излюбленное “Gedanke”, т. е. мысль).

Представления, которыми обладает человек, составляют содержание его сознания. Всякое представление имеет только одного носителя; никакие два человека не обладают одним и тем же представлением. Наше представление признается истинным не само по себе, а лишь в зависимости от того, соответствует ли оно своему референту, причем полное совмещение представления об объекте с самим объектом было бы возможно, если бы объект также был представлением: их совпадение влекло бы за собой их тождество. Представления не являются ни объектами внешнего мира, ни мыслями, и наоборот. «Если кто-либо считает мысли представлениями, то то, что он признает истинным, является лишь содержанием его сознания и, в сущности, никак не соотносится с другими сознаниями» [Фреге, 1987, 34].

Все это кажется бесспорным. Вопросы возникают в связи с разъяснениями относительно особой объективности мысли по сравнению с представлением – и нашего «мышления о мышлении».

Мы не являемся носителями мыслей в той степени, в какой мы являемся носителями представлений, по мнению Фреге. Мы *обладаем мыслью* не так, как мы обладаем, например, чувственным впечатлением; но мы *воспринимаем мысль* и не так, как мы воспринимаем, например, звезду. Кроме того, в процессе мышления мы не производим мысли, мы формулируем их, а точнее – «формируем» или даже «формуем», подобно платоновской золотой *хоре* – восприемнице (правда, и поглотительнице) образов. Особая духовная, мыслительная сила способствует данному процессу – аналогу контемплиации. Фреге выбирает для этого познавательного отношения специальное, наиболее подходящее выражение; им является слово *fassen*, что-то сродни *ваянию*. Действительно, этот образ позволяет как бы «увидеть», *воспринять* мысль (и, значит, тем самым сделать ее представлением, добавим мы).

Со своей стороны, Фреге не раз задается вопросами: «Являются ли мысли представлениями? Принадлежат ли они внутреннему миру сознания отдельного человека?» Отрицательно отвечая на первый вопрос, т. е. отстраивая мысль от представлений, определенно причисляя последние к сознанию своего конкретного носителя, Фреге вместе с тем склонен выносить мысли, по примеру платоновских *эйдосов* и гегелевских понятий, *вовне*, заговорив о «третьем мире» задолго до Поппера, критиковавшего платонизм. “Ein drittes Reich muß anerkannt werden”, третий мир должен быть признан [Frege, 1993, 69]. (Правда, у Платона *triton genos, хора*, это как раз материя [Платон, 1994, т. 3]). Нам уже доводилось указывать: Фреге постулирует, что содержание мысли соответствует представлениям в том отношении, что не может быть воспринято чувством, а вещам – в том отношении, что не требует носителя, сознанию которого принадлежит. В XX в. к этому придет и К. Поппер с его «семантикой возможных миров». Это своеобразный «логический и лингвистический реализм», выносящий идеальное содержание нашего сознания за пределы последнего и утверждающий существование объективного мира идей, точнее – *мыслей*. Они могут иметь носителя – того, кто их *сформулировал*, однако “Zum Wahrsein eines Gedankens gehört nicht, daß er gedacht werde” [Frege, 1993, 74]. К истинности мысли не имеет отношения то обстоятельство, что эта мысль кому-то принадлежит [Фреге, 1987, 42].

Фреге не определяет мысль привычным для логики способом – через род и видовое отличие. Он называет мыслью то, к чему применимо понятие истинности.

“Beim Denken erzeugen wir nicht die Gedanken, sondern wir fassen sie. Denn das, was ich

Gedanken genannt habe, steht ja im engsten Zusammenhange mit der Wahrheit. Was ich als wahr anerkenne, von dem urteile ich, daß es wahr sei ganz unabhängig von meiner Anerkennung seiner Wahrheit, auch unabhängig davon, ob ich daran denke" [Frege, 1993, 74].

«То, что я назвал мыслью, находится в теснейшей связи с истинностью. То, что я признаю истинным, об истинности чего я выношу суждение, является истинным совершенно независимо от того, признаю ли я это истинным, и даже независимо от того, думаю ли я об этом вообще». [Фреге, 1987, 42].

В ходе изучения основных качеств мышления Фреге уточняет: «То, что часто ошибочно считают истинностью изображений и представлений, мы сводим к истинности предложений» [Там же, 21].

Вообще говоря, предложения изъявительного наклонения являются языковыми выражениями, или воплощениями, суждений, а суждения состоят из связанных понятий. На смешение представлений с понятиями мы здесь обращаем основное внимание.

Два самых поразительных заявления Фреге относительно сущности мысли таковы: "Der [Satz] an sich unsinnliche Gedanke kleidet sich in das sinnliche Gewand des Satzes und wird uns damit faßbarer" [Frege, 1993, 61], в переводе: «Сама по себе внечувственная мысль облекается в чувственную оболочку предложения и становится в результате более понятной для нас», и "Der Gedanke ist etwas Unsinnliches" [Ibidem, 22], в переводе: «Мысль – это нечто внечувственное». Имеется в виду, что мысль – это нечто большее, чем ощущения или восприятия; она есть нечто, не соответствующее сенсорному впечатлению. В Примечании 4 этот оборот повторяется: "...*an sich unsinnlichen Gedanken* (курсив мой. – Э.Т.) in die sinnliche sprachliche Form gehüllt dem Leser darzubieten..." [Ibidem, 66]. Однако русский слух – и взгляд – это поражает: "unsinnlich" буквально означает «бессмысленный». *Предложение облекает саму по себе бессмысленную мысль в осмысленное одеяние.*

Бессмысленная мысль.

Предложение – осмысленное одеяние мысли.

Sinneseindruck, т. е. ощущение, буквально означает «осмысленное впечатление».

Как великий философский язык допускает такой казус?

Действительно, корневая морфема термина «смысл» в немецком, английском, французском содержит понятие, соответствующее русским словам «ощущение», «чувство», «сенсорное впечатление» и даже чувственно воспринимаемое свойство. В отличие от этого, русское «смысл» говорит само за себя. Однако было бы слишком просто сослаться на это различие и отнести «немецкий, английский, французский» «смысл» лишь к первой, чувственной сфере познания. Выражения типа "Does it make any sense?" или "Das kommt mir nicht aus dem Sinn" Гейне, или гегелевское "Wenn man sich des Sinns erinnert, in welchem Pilatus die Frage "Was ist Wahrheit?" sagte", или в особенности фрегевское "Und wenn wir einen Satz wahr nennen, meinen wir eigentlich seinen Sinn" [Ibidem, 60] (Когда мы называем предложение истинным, мы имеем в виду, собственно, его смысл) опровергают первоначальное объяснение. Мысль есть *смысл предложения*, но не всякого, а лишь утвердительного. Она примерно соответствует суждению [Фреге, 1987, 22].

Переход от (идеального) суждения к (чувственно воспринимаемому) предложению совершается просто и быстро: "...ergibt sich als dasjenige, bei dem das Wahrsein überhaupt in Frage kommen kann, der Sinn eines Satzes" (...та область, в которой применимо понятие истинности, это смысл предложения) [Frege, 1993, 60]. И еще определеннее: "Der Gedanke ist der Sinn eines Satzes" [Ibidem]. Мысль есть смысл предложения.

Спрашивается: “Ist nun der Sinn eines Satzes eine Vorstellung?” [Ibidem]. Является ли смысл предложения представлением? [Фреге, 1987, 21]

Этот вопрос у Фреге остался *открытым*.

Важно обратить внимание на одну серьезную деталь. Чувственное созерцание может «схватывать» *единичное, отдельное* и/или *особенное*. Рассудок метафизичен, абстрактен и всеобщ. Однако, согласно абсолютному идеализму, «чистое созерцание... есть совершенно то же самое, что и чистое мышление»; «*абстрактное мышление* (форма рефлектирующей метафизики) и *абстрактное созерцание* (форма непосредственного знания) суть одно и то же» [Гегель, 1974, т. 1, 187, 198]. На наш взгляд, Гегель устанавливает именно ту общую область, где существуют, *сутяг* смыслы – они же аугментированные (расширенные до форм рассудка) представления. Смысл – искомая переходная форма между первой и второй ступенями познания, понимаемыми в ключе отечественной философии.

“Das *Vorstellen* hat solchen sinnlichen Stoff zum Inhalte, aber in die Bestimmung des *Meinigen*, daß solcher Inhalt in *Mir* ist, und der *Allgemeinheit*, der Beziehung-an-sich, er *Einfachheit* gesetzt. – Außer dem Sinnlichen hat jedoch die Vorstellung auch Stoff zum Inhalt, der aus dem Selbstbewußten Denken entsprungen [ist]... und es fällt nicht so leicht auf, worin der Unterschied solcher *Vorstellungen* von der *Gedanken* solchen Inhalts zu setzen sei” [Hegel, 2014, www].

В академическом переводе:

«*Представление* имеет своим содержанием такой же чувственный материал, но этот материал в представлении характеризуется как *мой*, как находящийся во мне (Фреге! – Э.Т.), и как *всеобщность*, как соотношение с собой, как *простота* (не Фреге! – Э.Т.). Однако, кроме чувственного, представление имеет своим содержанием так же и такой материал, который возник из знающего себя мышления... и нелегко указать, в чем состоит различие таких *представлений* от *мыслей* такого же содержания...» [Гегель, 1974, т. 1, 113].

Это, очевидно, и есть сфера бытия представления, погруженного наполовину в чувственность (созерцание), наполовину в рациональность (рассудок). Достаточно заметить, что в Предисловии к «Науке логики» у Гегеля встречается характерный оборот «рассудочный разум или разумный рассудок». А в заключительной главе представление подается как такое опосредствование, «которое не принадлежит мыслящему постижению в понятиях», а есть возвышение представления до степени мышления [Гегель, 1972, т. 3, 293].

[Es gibt] “...eine Vermittlung, die mehr als die bloßer Anfang ist, und ist eine solche Vermittlung, die nicht dem denkenden Begreifen gehört, sondern die Erhebung der Vorstellung, des empirischen und rasonierenden Bewußtseins zu dem Standpunkte des Denkens ist” [Hegel, 2013, www].

Итак, триплет «ощущение – восприятие – представление» – не гегелевский, его схемы гораздо сложнее. Правда, соответствующие главы обеих «Логик», Большой и Малой, выстроены по образцу логики Аристотеля, и в них триплет «понятие – суждение – умозаключение» все-таки анализируется. Однако для нас важнее, что загадка отношения представлений к понятиям разрешается удовлетворительно: мы получаем сведения о существовании медиативной области, соединяющей созерцание и мысль, или *смысл*. Что касается происхождения вышеупомянутых триплетов, то было бы напрасно искать их у Джона Локка.

В своем выдающемся произведении «Опыт о человеческом разумении», которое Локк создавал на протяжении 20 лет, мы встречаем следующую классификацию познавательных ступеней/форм. (Просим прощения за пространность цитаты, но иначе нельзя подтвердить богатство мысли Локка).

«...Восприятие, фактически сопутствующее всякому воздействию, произведенному на тело внешним объектом, связанное с этим объектом и отличное от всех других модификаций мышления, доставляет уму отличную от других идею, которую мы называем *ощущением* и которая... есть фактическое вхождение идеи в разум через чувства. Та же самая идея, когда она вновь приходит без воздействия того же объекта на внешний орган чувств, есть *воспоминание*; если ум ищет ее, с трудом и усилиями находит и она вновь открывается его взору, это есть *припоминание*. Если идею долгое время внимательно рассматривают в уме, это есть *созерцание*. Когда *идеи* всплывают и текут в нашем уме, а разум их не рассматривает или не обращает на них внимания, бывает то, что французы называют *rêverie*... Когда наблюдают и... отмечают в памяти те идеи, которые появляются сами, это есть *внимание*. Когда ум с большой серьезностью и по своему выбору сосредоточивает свой взгляд на какой-нибудь идее, рассматривает ее со всех сторон и не отвлекается на обычные возбуждения со стороны других идей, мы называем это *напряжением* или *изучением*. Сон без сновидений есть отдохновение от всяких идей. А само сновидение есть наличие в уме идей... которые не предложены ни внешними объектами, ни известными поводами и вообще появляются не по выбору или повелению разума. И еще предстоит исследовать, есть ли то, что мы называем *экстатическим состоянием*, – сновидение с открытыми глазами» [Локк, 1985, т. 1, 278].

Итак, было бы слишком просто отнести «школьные» триплеты к творчеству Джона Локка, создателя самой совершенной материалистической гносеологии – до диалектического материализма.

Впрочем, у Энгельса в «Анти-Дюринге» этих схем также нет. Возможно, в дело когда-то вступили «позднейшие изготовители поверхностных систем» (выражение Энгельса)? Нам, по крайней мере, это не известно. Важно следующее. «Представление» встречается у Локка неожиданным для нас образом: не как совершенно определенная, третья, высшая форма чувственного познания, но как синоним *восприятия* – или как *понятие*. В главе «О простых идеях» говорится о следующем: 1) «Производимые [качествами] в душе идеи входят через посредство чувств несомненно простыми и несмешанными. Каждая такая идея, будучи сама по себе несложной, содержит в себе *только одно единообразное представление* или восприятие в уме, не распадающееся на различные идеи» [Там же]. В главе «Об именах субстанций» указано: 2) «*Обычные имена субстанций обозначают виды*. <...> Они сделаны знаками таких сложных идей, которым соответствуют или могут соответствовать разные единичные сущности... их можно охватить одним общим представлением и обозначить одним именем» [Там же, 496].

Можно заявить, что такая двойственность представления, встречаемая в текстах Локка, также есть мотив в пользу существования или, по крайней мере, философского поиска некоей медиативной области между чувством и мыслью, это и есть смысл. Ведь и в немецком, и в английском, и в других развитых европейских языках соответствующий термин означает не просто восприятие, но и его осознанную оценку. Становясь лексическим значением, а оно всегда интерсубъективно, ибо «в языке есть только общее», индивидуальный смысл-представление становится понятием, становится мыслью. И, пожалуй, можно сделать предварительный вывод: в немецкой философии (по крайней мере, у рассмотренных в данной статье авторов) речь идет об *аугментированном* представлении, чье содержание расширено за счет сигнификационного лифта. При этом смысл является основой понимания, а логически оформленное понятие – основой мышления. Однако это отдельная тема для исследования.

Заключение

При весьма значительной – можно сказать, максимальной – проработке немецкой классики в нашей стране мало исследователей обращает внимание на характерное разночтение того, что в университетской науке и преподавании закрепилось в качестве общих мест, не имеющих достоверного автора, и употребления соответствующих терминов немецкими философами. *Omnia definitia periculosa est*, говорили еще римские логики; всякое определение опасно – в том смысле, что оно многое оставляет «за бортом». Однако в дидактических целях приходится развертывать линейно тот интеллектуальный философский материал, который в действительности представляет собой *сферу* знания, взаимно замкнутых друг на друга идей, принципов, категорий, законов и т. д. Поэтому использование анализируемых триплетов, а именно форм чувственности и форм рациональности, вероятно, дидактически оправдано.

Но природа, сущность и познавательная роль всех переходных форм всегда составляют проблему; в нашем случае исследовательский интерес привлекает использование немецкого термина “*Vorstellung*”, соответствующего русскому слову «представление». Как было показано, эта форма у немецких философов не «привязана» только к чувственности, созерцанию и зачастую наполняется понятийным когнитивным содержанием. Это можно видеть, в частности, в трудах Гегеля, Зигварта и Фреге. Дополнительную сложность составляет то, что в немецкой классике недвусмысленно разводятся рассудок и разум, что для отечественной мысли не характерно. Оба термина-синонима у нас означают «ум» и обозначают рациональное, логическое мышление. Но было бы слишком просто, сославшись на немецкую традицию и в высокой мере приняв ее, связать представление с рассудком, а понятие – с разумом. Поистине, все четыре концепта сложно и неоднозначно перекрещиваются: рассудок с его представлениями включает и чувственность, и понятийное содержание; однако мы помним, что у Гегеля рассудок – это абстрактное постижение, а понятие, предельно конкретное, возвышается над ним. У логиков же (Зигварт, Фреге) представление и есть термин суждения, т. е. занимает место, отводимое, вообще говоря, понятию.

Эта тема заслуживает дальнейшего изучения. Здесь можно сделать, по крайней мере, следующие выводы. У всех рассмотренных философов, идеалистов и рационалистов, «представление» используется расширительно: оно введено в мыслительные процессы, а не только организует чувственность. Это можно объяснить действительным двойственным характером представления: оно, в отличие от форм восприятия, отвлекается от объекта, воспроизводясь по памяти; оно легко поддается сигнификационному лифту (лексическому выражению); общие представления – это уже «дорога» к понятию, т. е. мышлению. Ту переходную область, или поле, где существуют, «сутят» пластичные представления, еще не заключенные, в отличие от понятий, в жесткий каркас самых общих, абстрагированных от субстратов и существенных признаков, можно с полным правом отнести к домену *смысла*.

Библиография

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М.: Наука, 1972. Т. 3. 371 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
3. Жирнов В.Д. Гегель о понятии и представлении // Вестник Российского философского общества. 2010. № 3.
4. Зигварт Х. Логика. СПб., 1908. Т. II. Вып. 1. 483 с.
5. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 621 с.
6. Платон. Тимей // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3.

7. Суровцев В.А. О логико-философских взглядах Готлоба Фреге // Фреге Г. Логико-философские труды. Логические исследования. Основоположения арифметики. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2008.
8. Тайсина Э.А. Философские вопросы семиотики. СПб.: Алетейя, 2013. 208 с.
9. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987.
10. Frege G. Der Gedanke. Eine logische Untersuchung // Logische Untersuchungen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. 146 S.
11. Hegel G.W.F. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Berlin, 2014. URL: <http://www.zeno.org/Philosophie/M/Hegel,+Georg+Wilhelm+Friedrich/Enzyklop%C3%A4die+der+philosophischen+Wissenschaften+im+Grundrisse>
12. Hegel G.W.F. Wissenschaft der Logik. Berlin, 2013. URL: <http://www.zeno.org/Lesesaal/N/9781484031834?page=730>
13. Sigwart C. Logik: die Lehre vom Urtheil, vom Begriff und vom Schluss. Freiburg, 1889. Bd. 1. URL: https://archive.org/stream/bub_gb_kxw9AAAAIAAJ#page/n159

***Vorstellung* and its broad interpretation in German philosophy**

Emiliya A. Taisina

Doctor of Philosophy,
Professor,

Professor at the Department of philosophy and media communications,
Kazan State Power Engineering University,
420066, 51 Krasnoselskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru

Abstract

In “school” (university) Russian philosophy, the following forms, which are also stages, of cognition are commonly recognised: *sensation – perception – notion* (or presentation), which are forms of sensuality, and *concept – judgment – conclusion*, which play the role of the embodiment of *ratio* and/or reason. If the logical forms go back to Aristotle, then the authorship of the first triplet cannot be safely determined today. In contemporary Russian philosophical texts, it sometimes looks like its author could be John Locke; but this does not prove to be right. However, the main problem is that a simplified understanding of forms of sensual and rational cognition differs often from the German tradition of word usage. Thus, the term *Vorstellung*, literally “presentation”, in the works of German philosophers (Hegel, Sigwart, Frege) is used to denote the activity of *mind*, i. e. thinking, and not just the sensory content of consciousness. In view of this, it looks reasonable to take closer research on what the meditative field between the sensual and rational forms of cognition might be, permeating both notions, (re)presentations and even concepts, which meditative “existence” contributes to lessening the rigidness of the border(s) between feeling and thinking. Presumably this field, or nebulae, or thus augmented *Vorstellung* is what we call *sense* – the core of understanding.

For citation

Taisina E.A. (2018) “Predstavlenie” i ego rasshiritel'noe tolkovanie v nemetskoj filosofii [*Vorstellung* and its broad interpretation in German philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 28-42.

Keywords

Presentation, Vorstellung, forms of sensual and rational cognition, mind, intellect, sense.

References

1. Frege G. (1993) Der Gedanke. Eine logische Untersuchung. In: *Logische Untersuchungen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
2. Frege G. (1987) Mysl': logicheskoe issledovanie [The thought: logical research]. In: *Filosofiya, logika, yazyk* [Philosophy, logic, language]. Moscow: Progress Publ.
3. Hegel G.W.F. (1974) *Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t.* [The encyclopaedia of the philosophical sciences: in 3 vols.], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ.
4. Hegel G.W.F. (2014) *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*. Berlin. Available at: <http://www.zeno.org/Philosophie/M/Hegel,+Georg+Wilhelm+Friedrich/Enzyklop%C3%A4die+der+philosophischen+Wissenschaften+im+Grundrisse> [Accessed 18/06/18].
5. Hegel G.W.F. (1972) *Nauka logiki: v 3 t.* [Science of logic], Vol. 3. Moscow: Nauka Publ.
6. Hegel G.W.F. (2013) *Wissenschaft der Logik*. Berlin. Available at: <http://www.zeno.org/Lesesaal/N/9781484031834?page=730> [Accessed 18/06/18].
7. Locke J. (1985) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols.], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ.
8. Plato (1994) *Timei* [Timaeus]. In: *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.], Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ.
9. Sigwart C. (1889) *Logik: die Lehre vom Urtheil, vom Begriff und vom Schluss*, Bd. 1. Freiburg. Available at: https://archive.org/stream/bub_gb_kxw9AAAAIAAJ#page/n159 [Accessed 18/06/18].
10. Sigwart C. (1908) *Logika* [Logic], Vol. 2-1. St. Petersburg.
11. Surovtsev V.A. (2008) O logiko-filosofskikh vzglyadakh Gotloba Frege [On the logical and philosophical ideas of Gottlob Frege]. In: Frege G. *Logiko-filosofskie trudy. Logicheskie issledovaniya. Osnovopolozheniya arifmetiki* [Logical and philosophical works. Logical investigations. Fundamentals of arithmetic]. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo.
12. Taisina E.A. (2013) *Filosofskie voprosy semiotiki* [Philosophical issues of semiotics]. St. Petersburg: Aleteiya Publ.
13. Zhirnov V.D. (2010) Gegel' o ponyatii i predstavlenii [Hegel on the concept and presentation]. *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Philosophical Society], 3.